

ИНДИВИД И ОБЩЕСТВО

Жизнь на периферии: потребность в промежуточных шагах на пути радикальной трансформации общества

Ян Коетцы

Введение

Цель статьи состоит в демонстрации значимости историй жизни при изучении аспектов «опыта социальных перемен» в развивающихся обществах. Эффективность сведения воедино информации о том, что говорят и что думают люди, будет рассмотрена в рамках современного дискурса развития, общепринятый лексикон которого существенно расширился за последние два десятилетия. Статья исходит из этого обновленного толкования данного понятия. Она использует тот словарь развития, в котором делается упор на условиях существования человека, отношениях, доменах и ценностях. Отталкиваясь от такого понимания, в статье будет затронута также проблема адекватности и важности использования устных свидетельств. В заключение обсуждается исследовательский проект, посвященный опыту освоения места и пространства в конкретной ситуации неформальных (незаконных) поселений в Южной Африке.

К проблеме нового определения «развития»

Исследования развития стали отдельным полем исследований в 1960-х, вслед за волной обретения независимости бывшими колониями так называемых стран третьего мира. После первых четырех десятилетий настало время для поиска иной дефиниции понятия развитие. Общепринятое определение его как процесса направленных/последовательных/контролируемых изменений, ведущих к экономическому росту, политической автономии и социальному преобразованию (Varma, 1980, 15), оказалось неудовлетворительным. Так называемые эксперты в области развития все в большей степени

осознают, что прогресс человечества не идет по одному и тому же эволюционному пути.

Поиски иного определения социального развития свидетельствуют о необходимости включить в его понимание те процессы, которые предшествуют и сопровождают политические, экономические и социальные изменения. Такие изменения в ожиданиях, склонностях и аттитюдах могут быть выражены в концепциях, которые мы обычно используем при анализе сложностей процесса развития. Поиск подобного определения приводит нас к принципу «лингвистической сети», которая обычно применяется для описания определенного аспекта нашего мира. Подобная «лингвистическая сеть» отражает процесс конструирования, «зарождения собственного мира» (Capra, 1996, 282). Слова являются первичной формой для выражения того, как (какой) мы видим социальную реальность. Путем введения, акцентирования, определения и комбинации слов мы конструируем общие умозаключения о природе реальности. Компиляция словаря развития, составленная Робертом Чамбером (Robert Chamber), иллюстрирует поиск нового его определения и является примером формулировки таких заключений.

Словарь развития

Условия существования человека	возможности, потери, правообеспечение, благосостояние
Организации, власть и система отношений	ответственность, представительство, участие
домены, направление	гражданское общество, управление
ценности	демократия, справедливость, права человека, социальная поддержка

(Chamber, 1997,1745)

Динамичное и расширенное определение социального развития, таким образом, будет включать в себя компоненты, подобные тем, что представлены в данном словаре. Это включает удовлетворение базовых потребностей в широком смысле слова: не только еда, одежда, жилье и другие, более конкретные потребности, но также право на осмысленную жизнь. Усилия, направленные на развитие, должны быть основаны на признании того, что все люди заслуживают уважения и хотят, чтобы с ними обращались как с достойными индивидами. Это основа социального развития, ориентированного на человека.

Неизменной целью процесса развития является обеспечение лучшей жизни. Проекты развития, безусловно, направлены на достижение материального благополучия, но с позиции более высоких целей развития, подобные проекты должны в первую очередь внести вклад в повышение уровня социального благополучия людей.

Представление людей о том, что они могут стать «чем-то большим, чем являются сейчас» (социально более значимыми), также как и принятие более широких целей развития, никогда не становятся само собой разумеющимся результатом. Программы, направленные на развитие, должны подчеркивать идею, что прогресс зависит и непосредственно связан с постоянным утверждением субъективных «смыслов» и желанием создать осмысленную жизнь (Perroux, 1983, 40-53). Развитие будет иметь больше шансов на успех, если люди будут включать определенные личностные «смыслы» в свое стремление улучшить ситуацию.

Такая отправная точка при определении процесса развития подводит нас к понятию желаемого направления развития. Понятие желаемого направления ставит субъективные смыслы и конкретные обстоятельства деятельности в центр анализа. Это означает использование подхода, берущего начало «снизу», а не «сверху». Данный подход за стартовую точку рассмотрения принимает индивидуальные решения и интерактивные процессы, которые тесно связаны с приданием смысла. Развитие должно основательно базироваться на человеческом факторе социального благополучия. Любая программа развития с необходимостью должна фокусироваться на путях раскрытия представлений людей о социальном благополучии.

О чем это говорит? Это говорит нам о следующем. Процесс развития должен быть рассмотрен как создание условий для реализации возможностей для каждого индивида иметь «хорошую» (достойную) жизнь (Amartya Sen 1999). Это подводит к заключению, что в основе данной концепции лежат «смыслы». Развитие не может быть рассмотрено только как механизм, при помощи которого можно улучшить материальные условия жизни. Оно также должно быть описано как общий замысел изменений и средств для его реализации; тогда развитие становится центром людских ожиданий, представляя собой направление, избранное в качестве наиболее желаемого (Berger, 1976, 33). Вот причина, по которой люди должны участвовать в процедуре принятия «фундаментального выбора».

Люди обладают способностью создавать «миры значений». Для того, чтобы понять ту социальную реальность, в которой они живут, исследования процесса развития должны иметь основой изучение того, каковы способы проживания людьми конкретных социальных ситуаций. Подобные исследования следует фокусировать на ожиданиях и потребностях людей именно в той форме, в которой они формулируются самими людьми. Таким образом, указанные аспекты:

- желаемое направление,
 - общий замысел изменений,
 - участие в принятии фундаментального выбора
- в своей совокупности подчеркивают важность следующего раздела статьи.

Сведение воедино данных о том, что говорят и что думают люди: использование нарративов

Данный раздел исследует роль устных свидетельств при изучении опыта проживания ситуации развития. Описанное выше его определение включает

такие его аспекты как условия существования человека (возможности и благополучие), систему отношений (участие и ответственность), а также гуманистические ценности (демократия и стабильность). Мы подчеркнули, что именно слова являются отправной точкой при описании нашей социальной реальности. Лингвистические сети служат способом конструирования нашего мира.

Для работы с таким многосторонним определением развития, как предложенное выше, для использования его в качестве словарной основы при вхождении в дискурсы тех, кто рассказывает свои истории жизни, актуальным становится вопрос о метафоре. Метафоры важны как эпистемологически, так и политически. И чем больше я работаю с темой опыта освоения пространства и места в неформальных (незаконных) поселениях на периферии общества, тем больше убеждаюсь в необходимости критического осмысления проблем «перевода» связи между материально-конкретным и метафорически-абстрактным. В данном случае это означает: как осознание собственности на жилище соотносится с условиями для реализации «хорошей» (достойной) жизни?

При исследовании развивающихся обществ нарративы служат для того, чтобы «услышать голоса», понять и опыт простых людей. Эти простые люди прежде всего, бедные люди. Бедность всегда многоаспектна и имеет важные внеэкономические ракурсы. Она имеет свою специфику в пространственной локализации (месте проживания), а также в социальной структуре и часто подразумевает также «безвластность» и «безгласность», что ограничивает возможности выбора, предопределяет взаимоотношения бедных с остальным обществом, сужает доступ к социальным возможностям. Устные высказывания могут дать сообществам бедных возможность открыто декларировать свои взгляды и участвовать в постановке конкретных целей развития. «Высказывание является властным актом, акт слушания при этом требует уважения к говорящему» (Slim and Thompson, 1993, 3). «Одна из причин, по которой сообщества бедных так редко бывают услышанными, состоит в предпочтении документальных источников, письменного слова, которое проявляется на всех ключевых стадиях планирования, реализации и оценки процесса развития. Людей мало спрашивают ...» (Slim and Thompson, 1993, 4).

Недостаточное консультирование характерно не только для стратегий социального планирования «сверху». В этой статье я покажу, что и общественные организации, которые, казалось бы, принимают их интересы близко к сердцу, мало консультируются с людьми. Освободительное движение, защитники групповых интересов, авторитетные лидеры, которые находятся вне исполнительной власти, не освобождаются от обязанности вести диалог с людьми. Быть беднейшими из бедных зачастую означает быть игнорируемыми с обеих сторон – со стороны тех, кто у власти, так же как со стороны тех, кто выступает от их имени.

Использование нарративов направлено не только на «неуслышанные голоса» (к тем, кто должен быть услышан). Оно также включает в себя обращение к скрытым областям жизненного опыта – аспектам, связанным с участием в культурной жизни, а также к способам организации повседневной жизни. Нарративы как личные свидетельства могут связывать различные сферы жизни (семья, работа, пользование коммунальными службами,

потребности здоровья, потребительские запросы). В этой статье я демонстрирую использование нарративов в целях «озвучивания» скрытых голосов (беднейшие слои), а также в целях обнаружения скрытых областей жизненного опыта (опыт освоения места и пространства). Качественные данные, полученные из историй жизни, могут высветить много нюансов и противоречий жизни в сферах, которые не являются формальными структурами и в поселениях, складывающихся вне формальной системы застройки.

Использование нарративов для целей включения людей в процесс формирования локальных сообществ может привести к росту доверия и создания в обществе. Включение в процесс консультирования может привести к росту чувства общности и социального сознания как коллективного представительства. В процессе озвучивания предпочтения и проблемы становятся более конкретными, а их разрешение оказываются более реальным. Озвучивание приводит к тому, что люди могут начать понимать свои проблемы и работать над их разрешением. В конце концов, они являются экспертами собственной жизни.

Теперь перейдем к прикладному аспекту моей статьи.

Опыт освоения пространства и места

Пространственное окружение, в рамках которого проходит повседневная жизнь людей (т.е. дом, соседство, непосредственное окружение), играет важную роль в опыте освоения жизненного мира. Пространство и место влияют на человеческую жизнь. Эти стороны присутствуют во многих характеристиках конкретных сообществ и общества в целом. В «нормальном» обществе пространственное окружение выстраивает рамки возможностей для проживания своей жизни. Это контекст, внутри которого осуществляется жизнедеятельность малых структур или процессов, связанных с функционированием контактных сообществ. Такой контекст обеспечивает индивида возможностями для артикуляции смыслов, креативного участия, осуществления возможностей выбора, пользования материальными благами.

Это теория, идеальная ситуация. Наше непосредственное окружение составляет основу для выработки общих разделяемых смыслов, групповой сплоченности, коллективных убеждений и коллективных решений. То, где мы живем и как осваиваем пространственное окружение, влияет на все другие стороны нашего существования. Это применимо также и к жизни сообщества. Там, где значительная часть индивидов успешно осваивает пространство в малых структурах, а также в более широкой, институциональной практике своего сообщества, там можно ожидать проявлений групповой сплоченности и коллективных решений. Наше пространство и место становится точкой пересечения микро (индивидуальная включенность) и макро (общество как всеобъемлющая реальность).

Эмпирическое исследование, о котором идет речь в данной статье, фокусируется на восприятии места и пространства людьми, которые незаконно захватили участки земли внутри границ «большого» С (в провинции Восточный Кап -Eastern Cape, Южная Африка) и незаконно построили дома (неофициальная застройка, самозахват) на этой территории. Я использую

понятие неформальная застройка по отношению к тем жилищам, которые построены вне официальных структур или без использования официальных средств (Harrison 1992:14, Craus Shaw 1993:31). Такие дома обычно представляют собой «традиционные постройки», вне всякого сомнения – это «лачуги». Поскольку территория, на которой возникли эти неофициальные постройки, была захвачена нелегально, то люди часто называют тех, кто создал эти поселения, захватчиками (сквоттерами), а их постройки – лачугами. Незаконное проживание по самой своей сути является преходящим, временным и несет в себе очевидную опасность дальнейшей маргинализации. В рамках контекста Южной Африки, где африканская группа населения считается маргинализованной относительно социального мейнстрима, это означает, что люди, проживающие в неофициальных постройках, могут считаться ультра-маргинализованными.

Феномен бездомности, в основном среди африканской группы в регионе Олбани (Albany region of the East Cape) провинции Восточный Кап, также как в других частях Южной Африки, не является новым. В течение десятилетий нехватка домов приводила к строительству незаконных поселений на окраинах официальной городской застройки. После снижения уровня правового контроля в середине 1986 число сквоттеров, захватывающих городские окраины, существенно увеличилось. Все больше и больше людей

покидало родные районы Бантустана (Bantustan), традиционные районы проживания, такие как Транскей (Transkei) и Чиски (Ciskei) в поисках работы и лучшей жизни. Все они испытали на себе результаты предыдущих этапов официальной жилищной политики (т.е. решение Правительства националистской партии от 1967 года о замораживании развития городов вне районов традиционного проживания). Как и многие другие страны, пережившие репрессивный режим, Южная Африка имела долгий опыт авторитарного правления, массовых форм социального неравенства и ограничения возможностей в области занятости.

Когда Южная Африка вступила в новую фазу политического развития 2 февраля 1990 года (легализация таких политических организаций как Африканский Национальный Конгресс), это должно было отразиться непосредственно на разных сторонах жизни, среди других – земельная и жилищная реформы. В районе Грейамстауна жилищный вопрос был одним из первых, поднятых после победы демократии. Между 1991 и 1993 годами легитимная группа лидеров, которую обычно называют Уличный Комитет, организовала и администра-

тивно управляла процессом занятия свободных земель в районе Рини (Rini). Определенное чувство «торжества победителей» сопровождало такие захваты земли: за долгое время это был первый «конструктивный» проект. Прежде большая часть энергии этих людей, их усилий и программ была направлена на протесты, акции неповиновения, бойкоты и неучастие.

Благодаря широкой информированности общественности о положении людей, живущих в условиях перенаселенности в Рини, гуманитарные группы, также как и религиозные движения, в целом были сочувственно настроены по отношению к тем, кто захватывал землю для незаконного строительства. Даже пресса делала достоянием гласности положение сквоттеров. Тот факт, что земля, которая захватывалась, большей частью представляла собой свободные земли, способствовал мирному характеру процесса. Не было посягательств на частные земли, захваты не оказывали сколько-нибудь значимого или прямого воздействия на жизнь людей, живущих в так называемых эксклюзивных кварталах для белых.

Слушая сквоттеров

Стратегия исследования состояла в выслушивании рассказов некоторых из тех, кто решил переехать на неиспользуемые земли и построить собственные дома на условиях, которые им были предложены – без утверждения плана застройки, без вмешательства каких-либо инспекторов. Их захватничество происходило как перемещение в пространстве и времени и, в то же время, как перемещение в социально-политическом смысле. Исследование было нацелено на то, чтобы услышать более подробно об этом последнем акте перемещения: неповиновение существующей системе права и практике, желание иметь собственное место для проживания. Как последствия захвата земли, строительства дома и проживания в структуре, называемой «мой дом», повлияли на индивидуальную и коллективную идентичность? Какой смысл они вкладывают в этот опыт?

Мои интервьюируемые не были отобраны с точки зрения статистической репрезентативности всего населения в целом или одного его сегмента. Мой подход состоял в том, чтобы они четко типологизировали определенные исторические процессы. Мы записывали их разговорные рассказы, которые были выстроены в соответствии с планом. Позже мы транскрибировали их и переводили на английский язык. В ходе разговоров мы спрашивали разрешения де-

лать фотографии их домов и интерьеров. Они также рисовали для нас карты соседского окружения, добавляя в них характеристики своей повседневной жизни, а также наиболее важные места своего физического пространства.

Мы собрали 40 историй жизни из поселений Vukani («Проснись»), Hlalani («Давайте останемся») и Rharhamani. Неудивительно, что был зафиксирован высокий уровень безработицы, многие получали пенсии или пособия по инвалидности. Только двое заняты полный день, еще четверо имеют работу с неполным рабочим днем и семь вовлечены в неформальный сектор (в основном продажа фруктов, овощей или напитков).

Большинство отмечало, что они хотели иметь место для строительства собственного дома: «Мы хотели быть независимыми». Большая часть считает постройку своим постоянным домом. Им больше некуда идти. Несмотря на то, что они считают постройку постоянным домом, почти три четверти группы подтвердили, что испытывают страх оттого, что их могут выселить. Хотя «страх» этот весьма условен: некоторые понимают, что их все равно некуда переселить или отправить назад; другие привыкли к выселению, а некоторые считают, что хуже уже не будет. Для большинства осознание (чувство) собственности очень важная составляющая позитивного отношения к дому. Для большей части рассказавших свои истории дом, в котором они сейчас живут, является первым собственным жилищем. Хотя они и незаконно владеют тем местом, на котором стоит дом, они считают его своим – здесь они свободны от контроля со стороны других:

«Моя жизнь изменилась, потому что теперь я делаю дома, что хочу – в отличие от того, когда у нас не было своего места. Потому что у собственников участка, где мы жили прежде, был ряд требований, чего мы не должны были делать. Например, дети не могли выходить во двор».

Мы спрашивали людей, изменилась ли их жизнь за последние пять-семь лет. Для большинства жизнь изменилась только в том смысле, что они теперь имеют собственный дом. Даже те, кто считает, что политические изменения, начиная с 1994 года, привнесли что-то новое в их жизнь, связывают такие изменения с тем, что теперь они имеют собственный дом.

«Да, потому что я живу в районе скоттеров, что было незаконным во времена белого режима, но теперь, при Манделе, нас не преследует правительство».

Образ места

Образ места (и прежде всего образ, ассоциируемый с подходами к дому) является составной частью смыслов, придаваемых индивидуальной жизни. Более широкое географическое пространство создает контекст, место действия или регион для реализации повседневной жизни. Это ведет к формированию жизненного мира, в рамках которого и существуют люди. Регион представляет собой пространство для действий и выборов, для структурирования и ограничений всего того, что связано с повседневной жизнью.

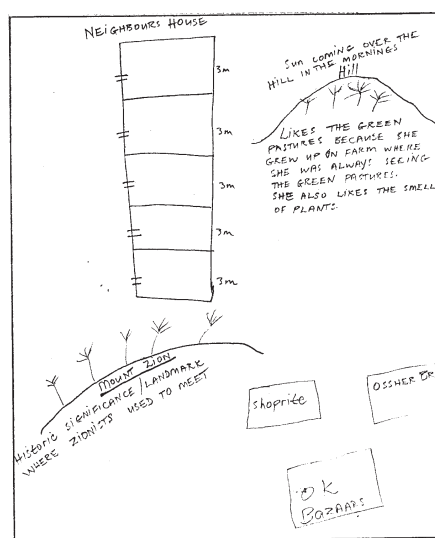
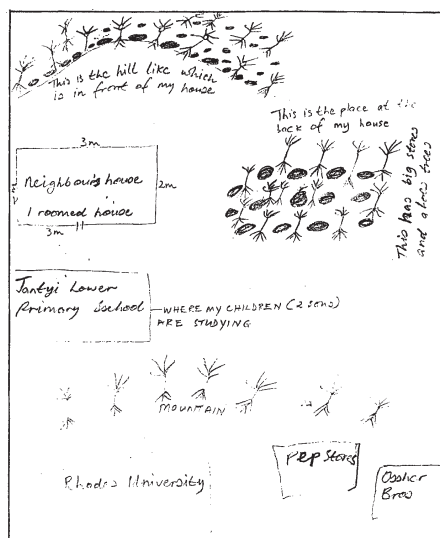
Для некоторых, живущих в незаконно построенных домах, Грейамстаун играет важную роль в каждодневных стратегиях экономического выживания. Но для большинства представление о «городе» не распространяется даль-

ше ближайшей шопинговой зоны Старого рынка (Old Market Square). Многие даже не делают покупки в «городе». Они покупают в основном в местных магазинах (spaza shops) и маленьких лавках своего поселка; в значительной степени загнанные в рамки своих незаконных поселений, они предпочитают не выходить часто в центральный деловой район. Большая часть тех, кто все же выходит в город, не упоминали о пользовании такими предприятиями сферы обслуживания Грейамстауна как почта, публичная библиотека или социальная служба. Они загнаны в ловушку пространственной депривации. Они находятся на обочине общества (в прямом смысле этого слова и фигурально: в смысле изоляции от жизни города, как безвластные и ущемленные).

Для того, чтобы получить более полное представление о том, каков опыт освоения непосредственного окружения и увидеть, какие опорные точки фигурируют в представлениях о своем физическом мире, мы просили респондентов нарисовать карту соседского окружения и включить в нее все элементы, которые имеют значение для повседневной жизни.

Если посмотреть на местность, где расположен Грейамстаун с вершины горы (Sugar Loaf Hill), можно увидеть целый ряд гор, поэтому неудивительно, что эти горы занимают существенное место на картах. Горы фигурируют не только как физические характеристики местности, но также как места исторической и/или религиозной значимости. Есть несколько упоминаний горы Zion (Zion, где происходили встречи религиозного движения), а также гор, по поводу которых только указано – «исторические».

Если сложить такие карты вместе или составить типичную карту, то на ней будут обозначены следующие точки: дом самого респондента, дома соседей, горы, нескольких деревьев, ближайший поселок, большой супермаркет (Shoprite at Old Market Square) и, возможно, река, дорога или высокий фонарный столб.

Дом респондента редко располагается в центре, обычно он растворяется в общем описании соседского окружения. Более того, только на 14 картах указан сам дом, и только в 5 он является доминирующим элементом.

На многих картах вообще нет указания на то, где живет респондент. Это вызывает следующие вопросы: В какой степени дом человека, живущего в неформальном поселении, представляет собой центр его/ее жизненного мира? Не является ли это во многих случаях скорее позицией «Я нахожусь где-то между точками окружающего меня мира», чем позицией «Дом, в котором я живу, является центром, откуда я связываюсь с пунктами вокруг меня»?

Карты могут удивить зрителя, как будто это картины из параллельного мира, который редко признает существование «белого» Грейамстауна. Если бы белых жителей Грейамстауна попросили нарисовать карту их окружения, то границы вряд ли прошли дальше Старого рынка (в направлении данного поселка). Большая часть «города» скорее всего была бы представлена «белым» Грейамстауном. Можно однако возразить, что, вероятно люди сфокусируются на своем собственном районе/соседстве, когда их попросят нарисовать карту их жизненного мира. Основное отличие «белого» Грейамстауна от незаконных поселений в городе и вокруг него состоит в том, что «белый» Грейамстаун содержит всю инфраструктуру (как, например, социальные службы, магазины, систему обслуживания), столь необходимую для жизни в современную эпоху.

Карты не содержат того количества информации о повседневной жизни респондентов, на которое мы надеялись. Ограниченное упоминание большого Грехэмстауна, скорее всего, отражает тот факт, что физическая ситуация (и проблемы выживания) доминируют в их обыденной жизни. Их каждодневная жизнь в основном крутится вокруг места жительства, здесь они проводят большую часть времени. Но как они проводят это время? Многие указывают на посещение друзей и соседей «когда есть время», но мало информации о том, чем же они заняты. Для многих состояние безработного кажется видом занятости само по себе. Неофициальная работа продолжает обеспечивать наиболее базовые потребности беднейших слоев (обеспечение водой в обмен на продукты, уход за огородом в обмен на старые вещи и т.д.). Исходя из этого, можно подумать, что люди в незаконных поселениях ведут тусклую, бессмысленную жизнь, но такое заключение может оказаться несправедливым и неточным. Карты соседского окружения часто содержат фрагментарную информацию о том, что доставляет радость респондентам: деревья и трава, садик, восход солнца над горой, места, где они были счастливы, представления о будущем.

Заключительный комментарий

Данное исследование пытается внести вклад в понимание сложной проблемы неформальных поселений. Что представляет собой обыденное сознание и повседневный опыт людей? Как можно использовать истории жизни для того, чтобы преодолеть разделение между абстрактными представлениями (знанием) с одной стороны, и проживаемым опытом (чувствами) с другой? Вклад данного исследования в том, чтобы подчеркнуть необходимость идти глубже изучения долговременных, структурных проблем, таких как нехватка жилья, перенаселенность, безработица и вопросы, связанные с социальными возможностями. Все эти проблемы несут в себе только частичное объяснение, только элементы общего, но не дают адекватных ответов или объяснений. Потому что людям для того, чтобы быть осознанно вклю-

ченными и воздействовать на социальную реальность, нужно еще индивидуальное участие, также как и коллективное принятие решений. Только тогда, когда происходит аккумуляция общих разделяемых смыслов, может быть движение к социальному изменению.

По этой причине мы решили добавить к анализу элементы, связанные с взаимными отношениями и социальным противодействием, полученные из историй жизни простых людей. Место и пространство, в котором находятся люди, имеет влияние на их жизнь. Первичный пейзаж и более широкая локализация оказывают воздействие на способы восприятия реальности. Большинство людей, на которых мы сосредоточились в данном исследовании, являются бывшими жителями местности вокруг Грейамстауна, и встает вопрос: может ли возможность незаконного захвата земель рассматриваться как простой выход из их ситуации депривации? Важно поднять этот вопрос, поскольку большинство респондентов указало, что основные политические изменения в стране, начиная с 1994 года, никак не отразились на их жизни.

Для того, чтобы осуществились значительные изменения, необходимо активное включение в каждодневную деятельность и занятие людьми активной позиции. Ранее в этой статье я поднимал проблему иного определения процесса развития. Словарь развития должен включать аспекты, важные для осуществления осмысленной жизни: благополучие, участие, гражданское общество, демократия, социальная поддержка и т.д. Развитие должно рассматриваться как создание условий для реализации потенциала каждого. Люди должны участвовать в осуществлении фундаментального выбора. Развитие, в конечном счете, является центром людских ожиданий, задает общее наиболее желаемое направление движения.

Очень малая часть этих рассуждений о развитии рефлексирована в историях жизни тех, кто живет в неформальных поселениях Грехэмстауна. Там нет не только коллективного участия или попыток определить, каким должно быть желаемое движение к будущему, но четко выражено то, что большинство людей ожидает от правительства (локального, регионального, центрального) – это, прежде всего, обеспечение базовых жизненных потребностей. Большинство живущих в неформальных поселениях в Рини, имеют нереалистично высокие ожидания относительно обеспечения их обслуживанием и удобствами. Вместе с тем, мало упоминаются какие-либо самостоятельные инициативы или местные проекты, направленные на улучшение ситуации.

«Жизнь среди людей» основана на том, что люди конструируют свои жизненные миры, приписывая определенные значения окружающему миру. Качество человеческих отношений напрямую связано с наличием диалога. Для сообщества, в котором низок уровень диалектического сознания (в приписывании значений жизненного мира) свойственно отсутствие диалога (недиалогические отношения). На способность людей взаимодействовать с другими и включаться в процесс созидания жизненных миров негативно влияет отсутствие диалога. [Социальные конструктивисты, вероятно, сформулировали бы эту мысль по-другому. Они, наверно, следовали бы взглядам на социальное конструирование реальности (как это выражено у Питера Бергера и Томаса Лукмана, 1971): общество как объективная реальность становится возможным через институционализацию привычного образа дей-

ствий, а как субъективная реальность – поддерживается через взаимосвязь между экстернализацией, объективацией и интернализацией. Или они могут признать правомерной концепцию габитуса Пьера Бурдьё (включенное (сформированное) сознание; индивидуальное восприятие доступного/недоступного в терминах собственной социальной позиции (Бурдьё, 1990)].

Ранее я подчеркивал важную роль пространственного окружения в опытно-материальном освоении жизненного мира. Пространственное окружение конструирует рамку для проживания жизни. Оно обеспечивает контекст, в котором происходит непосредственное общение. Учитывая, что большинство нарисованных карт отражает узкое восприятие (и лояльность) непосредственного окружения, можно заключить, что существует острая необходимость настроить людей на организацию коммунальных структур и использовать их коллективные усилия для улучшения качества жизни в системе соседства.

Фокус данного исследования был направлен на то, как люди воспринимают место, пространство и окружающий пейзаж. Люди приписывают значения своему окружению и придают исторический, социальный и религиозный смысл пространственным точкам вокруг них. Место, пространство и соответствующий пейзаж являются формой проявления определенных процессов. Они оказывают влияние на людей. Даже в незаконных поселениях существуют четкие территориальные представления о том, что находится в границах и вне границ нашего места. Само место испытывает определенное воздействие тех территориальных и социальных «правил», которые установлены в данное время.

Такие правила формируют базис коммунальной жизни. Большинство тех, кто рассказывал нам свои истории жизни, говорили, что у них хорошие отношения и контакт с соседями. Многие из них в некоторой степени ассоциируют себя с религиозной группой, другие принимают определенное участие в решении коммунальных вопросов. В результате совместной «жизни среди людей» в неформальном поселении сформировались некоторые, более общие правила, представления о собственности наряду с представлениями о местном правопорядке сообщества. Это может быть продолжено. Индивидуальные действия с необходимостью продолжаются в коллективных взглядах и групповой активности. Недостаточно сказать, что индивиды должны быть осознанно включены в процесс социального развития. Должно быть четкое декларирование такой направленности развития. Люди должны активно формулировать стратегии развития. Это может быть только тогда осуществлено, когда люди говорят, рассуждают о собственном положении. Путем активного использования нарративов практики в области социального развития могут внести вклад в установление диалогового сознания. Практики должны информировать людей о важности привлечения инициативы и свободы действий. Практик должен соразмерять разные видения людьми своей ситуации и возможности для соответствующих действий.

Сохранение существования неформального сектора не может служить основной возможностью для действий. Неформальный сектор в основном является ответом на отсутствие благоприятных условий в формальном. Неформальный сектор будет оставаться замкнутым на низкий и неразвитый уровень активности, вследствие отсутствия в нем технологической экспертизы, капиталов и оборудования. Недостаток ресурсов, который характерен

для неформального сектора, в наибольшей степени препятствует инновациям. Неформальный сектор не может рассматриваться как долговременное разрешение проблемы структурной безработицы.

Анализ нарративов тех, кто живет в незаконных поселениях, обнаружил их потребность стать более включенными в процесс развития, а именно: чтобы к ним больше обращались и вовлекали. Практик в области социального развития должен использовать это в качестве начальной базы: люди хотят отвечать на вызовы, существующие на уровне их собственной ситуации. Бедные люди могли бы внести вклад в решение проблем, связанных с их физическими нуждами (забота о здоровье, водоснабжение, уровень санитарного обслуживания, сбережение энергии); с их организационными возможностями (формальные и неформальные сети, организации, построенные на формальном членстве); с информационными технологиями, которые могут их связать друг с другом, с рынками и правительственными учреждениями, а также в решение проблем, связанных с образованием (особенно для их детей) и с идеями в области частного предпринимательства.

Практик может использовать нарративы (или социальные диалоги) с целью исследования и обсуждения разных способов образа мыслей и действий. Практики в области социального развития должны быть глубоко погружены в опыт мужчин, женщин, детей, о которых они хотят получить знание. Они должны быть всегда в постоянном контакте с «массовым элементом», их «интеллектуальная база» должна быть «хорошо обоснована, ассимилирована и прочувствована» так, чтобы «стать страстью» (используя фразу Антонио Грамши). Со страстью и с чувством практик может интерпретировать и описывать людскую реальность. Он или она может использовать такой диалог, чтобы убедить людей, что их социальная реальность является значимой. Как сохранение, так и изменение (реконструкция) их социальной реальности (все социальные институты) зависят от осмысленных действий людей, вовлеченных в них. В конечном счете, каждому из нас необходимо создать свой собственный жизненный мир. Только тогда можно говорить о социальном развитии, когда происходит выстраивание смыслов.

«Выстраивание смыслов» представляется соединением того, как люди хотели бы выстроить свой жизненный мир, и того, в какой степени они подготовлены к тому, чтобы стать участниками социальных инициатив, которые бы улучшили их жизнь (Сен, 1999). Истории жизни могут соединить то, что говорят и что думают люди по поводу своего жизненного мира: как они стали тем, кто они есть, и как переживают свое теперешнее состояние. Но основные проблемы, выявленные в историях жизни, должны вернуться назад, в сферу жизни самого коммунального сообщества (без нарушения конфиденциальности). Когда сообщество имеет представление о том, как люди проживают реальную жизнь, оно может начать работу в направлении к следующей цели – поиску возможных путей вмешательства или предложение своего плана действий.

Тогда сообщество включается в обсуждения относительно дальнейших планов деятельности. Исследователь создает значимые категории, организуя и категоризируя процесс понимания социального мира (в том виде, как это было выражено участниками исследования – теми, кто рассказывал ему свои истории). Коммунальные сообщества используют эти категории (аспек-

ты субъективного понимания своего социального мира). Эти категории дают возможность выстроить осмысленные планы действий. Таким путем эмоциональная включенность исследователя может стать связанной с социальным движением по направлению к «лучшей» жизни. Тогда истории жизни становятся заслуживающими того, чтобы к ним прислушивались, поскольку они открывают новые горизонты мышления (Ромм 2001, 120–125). Включенное участие коммунальных сообществ может стать базисом для обеспечения связи с жизнью в ее непредсказуемости. Люди, живущие на периферии (вне формально организованных структур), могут внести свой вклад в устройство «лучшей жизни» путем каждодневного участия в делах местного сообщества. Малые дела (такие как проекты по наведению чистоты, посадке деревьев или садовые инициативы) могут привести к участию в более сложных делах (например, обеспечение инфраструктуры или представительство в местной власти). Таким образом, люди, живущие вне формальных структур (неформальные поселения), могут внести вклад в формализацию своих сообществ. Активное участие в делах сообщества может стать промежуточным опорным моментом на пути к созданию осмысленной жизни и социального изменения.

Литература

- Berger, P.L.* 1976. *Pyramids of sacrifice*. London: Allen Lane.
- Berger, P.L. and Luckmann, T.* 1971. *The social construction of reality*. Harmondsworth: Penguin.
- Bourdieu, P.* 1990. *In other words – essays towards a reflexive sociology*. Cambridge: Polity.
- Capra, F.* 1996. *The web of being: a new synthesis of mind and matter*. London: Harper Collins.
- Chambers, R.* 1997. “Editorial: Responsible well-being – a personal agenda for development”. In: *World Development* 25(11):1743-1754.
- Coetzee, Jan K.* 1996. “A micro foundation for development thinking”. In: Coetzee, Jan K. and Graaff, J. (Eds.) *Reconstruction, development and people*. Johannesburg: International Thomson Publishing.
- Coetzee, Jan K.* 1999. *Experiencing space and place in Grahamstown’s informal settlements*. Grahamstown: Institute of Social and Economic Research.
- Crankshaw, O.* 1993. “Squatting, apartheid and urbanisation on the Southern Witwatersrand”. In: *African Affairs* 92:31–51.
- Harrison, P.* 1992. “The policies and politics of informal settlement in South Africa: a historical perspective”. In: *Africa Insight* 22(1):14–22.
- Perroux, F.* 1983. *A new concept of development*. London: Croom Helm.
- Romm, N.R.A.* 2001. *Accountability in social research*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Sen, A.K.* 1999. *Development as freedom*. Oxford: Oxford University Press.
- Slim, H. and Thompson, P.* 1993. *Listening for a change. Oral testimony and development*. London: Panos Publications.
- Varma, B.N.* 1980. *The sociology and politics of development*. London: Routledge and Kegan Paul.

Перевод В.В. Семеновой